

Колбаски

КЛЕМЕНТИНЪ

Jobe

#3 КОЛБАСКИ





Серия
Встречное
движение

Клементина Бове

CLÉMENTINE BEAUVAIS

Королевишны

LES PETITES REINES

#Зколбаски

Перевод с французского
Тимофея Петухова



Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Серия «Встречное движение»

Для среднего и старшего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря
2010 года маркируется знаком 12+*



В свои почти тридцать Клементина Бове, знакомая российскому читателю романом в стихах «Ужель та самая Татьяна?», написала дюжину книг и стала лауреатом десятка премий. Книга «Королевишны #Зколбаски» получила во Франции целых пять престижных литературных премий и разошлась тиражом более 80 000 экземпляров! Она уже переведена на 11 языков и вышла в 9 странах!

Из-за непривлекательной внешности Мирей, Астрид и Хакима стали «Колбасами года» в лицее, в городке Бурк-ан-Брес. Три девушки случайно выяснили, что каждой из них необходимо оказаться в одно время в одном месте: 14 июля, Париж, Елисейский дворец. Отличный план на лето! А раз ехать, почему бы не на великах? А по дороге можно торговать... злосчастной колбасой! Только никто не предполагал, что эта эпопея привлечёт внимание СМИ и превратит трёх подруг в знаменитостей. В поту, ссорах, сомнениях и стёбе колбаски совершают свою одиссею по Франции, дегустируя сыры, ночуя в замках и попадая на балы.

«“Королевишны #Зколбаски” — шедевр юмора с кислинкой, уморительная комедия, острая, вдохновенная, полная сдержанных чувств. Из тех книг, от которых вырастают крылья». (Телерама)

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только
с согласия издательства.*

Original title: Les Petites Reines

Text by Clémentine Beauvais

© 2015 Éditions Sarbacane, Paris

Russian Translation rights arranged through La Petite Agence, Paris.

© Петухов Т.М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательский дом «Самокат», 2020

**ISBN 978-5-
00167-111-4**

*Моим любимым буркцам и буркам, которые украдкой
появляются на этих страницах*

Часть первая
Бурк-ан-Брес

Ага, а вот и результаты в фейсбуке выложили: я — Бронзовая Колбаса.

Шок. Два года подряд я брала золото, так что была уверена: уж меня-то никому не переплюнуть, — ан нет, ошиблась.

Глянула, кто удостоился высшего титула. Новенькая из 9 «Б», не знаю её. Некая Астрид Бломваль. Светлые волосы, прыщи, глаз косит так, что видно только ползрачка — вторая половина навсегда скрылась под веком. Что ж, к жюри вопросов нет.

Серебряную Колбасу присудили совсем крошке, Хакиме Идрис из шестого. Нет, ей, конечно, тоже уродства не занимать, с её чёрными усиками и тройным подбородком; чем-то на щуку похожа.

Наш любезный друг Мало оставил комментарий под фото каждой из восемнадцати претенденток. Меня он выделил особо:

Борьба была суровой, но Мирей Лапланш всё равно останется для меня Королевой всех Колбас. О, эти жирные желейные ляжки, эти обвисшие груди, этот подбородок картошкой и маленькие поросячьи глазки — вы навечно запечатлены в моей памяти!

Комментарий уже насобирал 78 «мне нравится».

Я добавила от себя 79-й.

Потом спустилась в столовую и объявила маме:

— В этом году я Бронзовая Колбаса!

— О... И что же, тебя поздравить или как?

— Ну, не знаю. Может, ты хотела, чтобы я подтвердила свой золотой титул?

— Я бы хотела, чтобы никто и никогда не называл тебя колбасой.

— Значит, не надо было спать с уродливым стариканом, всё просто.

— Не говори так про своего отца.

— Будь он здесь, он бы мной гордился!

— Нет, не гордился бы.

— Напишу-ка я ему письмо.

— Не пиши никаких писем!

— «Дорогой-любимый папочка, по итогам этого чудного учебного года твоя обожаемая дочка удостоилась звания Бронзовой Колбасы лица имени Мари Дарьёсек в Бурк-ан-Бресе. Это приятное поражение, так как обычно она берёт Золотую Колбасу».

— Мирей, ты меня бесишь. — Мама смотрит на потолок и сообщает дизайнерской люстре: — Подростки... Ненавижу.

Мой отец — французский немец. В целях защиты персональных данных будем звать его Клаус фон Штрудель. Герр Клаус, профессор Сорбонны, пишет труды по философии. А ещё он был маминым научным руководителем и, видно, неплохо руководил, так как в итоге она забеременела мной. Увы, их связь обречена была остаться тайной! Потому что в то время — как, впрочем, и сейчас — наш Клаус был женат на особе с огромнейшим потенциалом. Доказательство — эта особа уже два года как президент нашей любимой Французской Республики. Для простоты будем звать её Барака Обаметта.

Итак, Барака Обаметта и Клаус фон Штрудель родили троих сыновей — то есть моих полубратьев — и наградили их дурацкими именами греческих богов, но, чтобы не мучиться, будем звать их Жоэль, Ноэль и Ситроен¹.

По неизвестным мне причинам, как только мама узнала, что беременна, она тут же уехала из Парижа и решила вести философию у школоты в Бурк-ан-Бресе, административном центре департамента Эн (почтовый индекс 01). Где и вышла замуж за г-на Филиппа Дюмона, чья невзрачная фамилия полностью соответствует внутреннему миру её носителя.

Мы живём в фешенебельном особнячке с садовым участком, вместе с псом Мурлыкой и котом Колобулькой.

Общаюсь ли я с Клаусом? Нет, потому что на мои письма он не ответил ни разу. Вместо того чтобы написать своей тайной дочурке, он всё даёт интервью, например журналу «Философия сегодня». А раз в три года у него приплод — трактат по метафизике. Мама покупает их и читает, и я тоже. Она мне говорит: «Ты же ничего не поймёшь, это сложно, Мирей!» — но я всё равно читаю и кое-что понимаю.

Клаус пишет в таком духе:

«Спекулятивному реализму удалось *расширить проход* вглубь некантианской метафизики...»

«Квентин Мейясу переворачивает современную метафизику и заставляет её *содрогаться под напором его идей...*»

«Однако я отрицаю господство *кастрированного платонизма и картезианства...*»

Я:

— Что за мерзости, Клаус.

Мама:

— Ну всё, хватит! Во-первых, его зовут не Клаус, и вообще, ты же ничего не понимаешь, его идеи-революционны, но ты этого не видишь, тебе не понять.

— Мама, он пишет про Платона и Декарта, как про мошонку.

— Пятнадцать лет! — воздевает руки мама. — Пятнадцать... самый дурацкий возраст на свете!

— Пятнадцать с половиной, па-апрашу.

Первое письмо Клаусу я отправила, когда мне было восемь.

Добрый день, мсье!

Моя мама (Патрисия Лапланш) сказала мне, что Вы мой отец. Я была бы рада встретиться с Вами в Париже и повидать [Жоэля и Ноэля]. Я учусь в начальной школе имени Лорана Жерра, у меня хорошие оценки, и я читаю с четырёх лет.*

До свидания,

Мирей Лапланш

* (Ситроен тогда ещё не родился.)

Второе — в двенадцать лет:

Мсье!

Вы не ответили на моё предыдущее письмо. Хотя это было бы весьма любезно. Я уже в шестом, в лицее имени Мари Дарьёсек. Я лучшая ученица в классе. Я всё ещё хотела бы с Вами встретиться, в Париже или где-нибудь ещё. Мой мобильный: [...].

Ваша

Мирей

Третье я написала три месяца назад:

Клаус!

Ты мой отец. Ты в курсе, потому что, конечно же, получил мои предыдущие письма. Я вижу тебя по телику с [Баракой Обаметтой], [Жоэлем, Ноэлем] и [Ситроеном]; и, по-моему, ты вконец зазнался, раз не отвечаешь на мои письма. Мне пятнадцать, я

не идиотка. И если что, моя мама не «стоит за этим» — вдруг тебя это волнует. Я читала твои книги. Позвони.

Мирей

Третья осечка. Про третье письмо мама точно знает, потому что я нарочно оставила конверт повалиться на столе перед отправкой.

[Клаусу фон Штруделю]
Париж, Елисейский дворец.

Почтальон, вперёд — отцовство не ждёт!

— Очень смешно, — сказала мама, когда увидела. — Какая ты у меня юмористка, дочка! Помираю со смеху.

— Ты позволишь ей это отправить? — спросил Филипп Дюмон с озабоченным видом (= задрал верхнюю губу и теребя манжет).

— Пусть делает что хочет — это она нас так провоцирует, — возразила мама. — Всё равно он ей не ответит, так что без разницы.

Филипп Дюмон всегда горько страдал оттого, что не в силах заполнить пустоту, оставленную в моей жизни Клаусом фон Штруделем. Он водит меня в кино, в музеи, в боулинг. Разрешает есть каштановое повидло прямо из банки. Говорит: «Считай меня своим отцом, Мирей, я твой отец!» Тогда я закрываю рот руками и говорю: «Х-хум.... Х-хум... я твой оте-е-ец!» А он давай меня отчитывать: «Это мой дом, Мирей! А это мой диван! Ты живёшь в моём доме, между прочим!» Что наполовину неправда: полдома принадлежит маме, если не считать, что она ещё не выплатила свою половину кредита (немудрено с зарплатой училки), а Филипп — нотариус и ротарианец, что означает, что он член Ротари Интернэшнл.

— Что такое Ротари, мама?

— Это клуб людей вроде Филиппа, разных профессий, которые встречаются, обсуждают разные вопросы, знакомят друг друга со своими детьми.

Филипп как-то попытался познакомить их со мной.

— Познакомьтесь, это Мирей, дочь Патрисии.

Ротарианцам за рождественским столом было оч-чень приятно пожать руку Квазимоде над бутербродами с икрой. Однажды, когда мне было лет девять, кто-то особо проницательный заметил:

— Знаете, ведь эта крошка напоминает одного философа, а?

Тут во мне вспыхнула надежда; я смотрела на этого бритого краснощёкого дяденьку и повторяла про себя: «Давай же, скажи, скажи, что я похожа на Клауса фон Штруделя, зарони подозрение, пусть люди задумаются, прикинут даты... Может, Клаус признает, что я его дочь, когда весь Бурк-ан-Брес подпишет петицию!»

Но вместо этого одна дама спросила:

— Жана-Поля Сартра?

И мужчина кивнул:

— Да, точно! Жана-Поля Сартра!

— Так себе комплимент, — прыснула дама.

— Да, — подтвердил её честный собеседник.

Гугл → Жан-Поль Сартр → косоглазый и на редкость уродливый старик. Ещё чуть-чуть, и переплюнул бы Клауса.

На следующее утро я заявила маме:

— Знаешь, если бы тебе повстречался Жан-Поль Сартр, ты бы точно закончила в его постели.

— Давно не получала?

— Я просто говорю, что он, похоже, в твоём вкусе! Философ, революционер, вот-это-всё-великий-теоретик и тэ дэ... Это комплимент вообще-то, мамулечка! Что ты сразу в штыки?

— Как ты с матерью разговариваешь! Нет у меня такого хобби — спать со всеми направо и налево, хоть с

философами, хоть нет.

— Да ладно, он всё равно умер. В 1980-м, этот самый Жан-Поль. А я родилась лет на сто позже, так что сомнений нет: отцом он мне не приходится.

— Будь спокойна! — проскрежетала мама.

Тогда я запела «Траурный марш», чтобы почтить память Жана-Поля (*там-там-тадам-там-тадам-тадам-тадам*), и пела довольно долго. Под конец это стало её бесить.

— Замолчи, Мирей, пожалей наши уши, в конце концов!

И тут я выдала то, чего выдавать не стоило:

— Знаешь, что мы тут проходили по истории, мамулечка? Оказывается, во Франции после Второй мировой войны всех, кто спал с немцами, стригли наголо. Представляешь? Всего-то несколько десятков лет...

Она посмотрела мне прямо в лицо — могу поклясться, она прокручивала в голове то, что я только что сказала, не веря ушам. Я немного испугалась, но всё-таки добавила шутки ради:

— И плакала твоя коса!

И поплатилась моя щека.

— Марш в свою комнату. Не хочу тебя видеть.

Не знаю, почему мне так нравится доводить мать. Не знаю, зачем я вылила в унитаз весь флакон Flower by Kenzo, который Филипп Дюмон любезно подарил мне на день рождения («Скажи, Мирей, ты поблагодарила Филиппа за духи, которые он любезно подарил тебе на день рождения?»), притом нарочно не спустила воду, чтобы он сразу понял, где теперь благоухают его 54 евро.

Не знаю почему, но оно вот так.

«Гноящий(-ая-)ся — выделяющий гной, слизь. Гноящийся глаз».

Гноящийся глаз — это глаз с той белой липкой кашицей, которую он сам же и выделяет. Будто его залепило глазным поносом.

Такой вот глаз смотрит на меня сквозь сумрачное окно в кухне.

— Это ещё что такое?

Это тихо стучит в стекло. Тут я роняю рулон бумажных полотенец, и он катится к стеклянной двери в сад, разматываясь, как красная дорожка (только белая). Я следую по указанному ей пути и открываю дверь.

За ней Золотая Колбаса — Астрид Бломваль. Стоит в темноте у меня в саду, переминается с ноги на ногу и глядит на меня своими гноящимися глазами (левый особенно гноится). На ней тёмно-синие, слишком узкие джинсы, чёрная футболка с надписью «INDOCHINE» и с облупившейся фоткой кривляющихся парней, а из футболки выпирают наружу две толстых, розовых, дряблых и прыщавых руки и толстое розовое лицо со светлыми и тусклыми, как пакля, волосами, скрученными в конский хвост, и с ямочкой на левой щеке. И ямочка эта, ей-богу, искупает всю остальную дряблость — в неё-то и юркает моя симпатия, едва Астрид Бломваль улыбается мне с порога.

Но, улыбнувшись, она будто пожалела, что продемонстрировала мне свои брекеты, а потому сразу уткнула взгляд себе под ноги (нещадно перетянутые ремнями сандалий).

— Привет, — бормочет она. — Прости, я просто подумала, вдруг случайно ты Мирей Лапланш, прости,

что беспокою тебя, знаю, уже поздно, я нашла твой адрес в онлайн-справочнике.

— Что ж, Астрид, давай сразу расставим все точки над *i*, — говорю я, приглашая её на белую красную дорожку. — Извиняйся тебе не за что. Да, ты украла моё золото! Но я на тебя совершенно не сержусь. Полагаю, каждому полезно немного конкуренции. И нужно всем давать шанс.

Она таращит на меня глаза — точнее, один, другой прячется за веком.

Хм. Похоже, она не понимает, что я шучу. У людей вообще часто с этим проблемы.

И — вот чёрт! — она плачет. Тревога! Наводнение! Тащите мешки с песком! Стройте плотины!

— Не реви, Астрид Бломваль. Не плачь, как говорится, понапрасну. Слышишь меня? Не реви, а то обезвоживание гарантировано! На вот, просморкайся.

Я встаю на колени, вырываю пару листов из белой красной дорожки и протягиваю их ей, будто делаю предложение. Она отчаянно сморкается. Я усаживаю её на икеевский табурет, и тот бестактно скрипит под её весом. Кот Колобулька, решив, что это я села (обычно свой бестактный скрип табурет приберегает для меня), вбегает на кухню и прыгает Астрид на колени. Она рассеянно чешет ему спинку, отчего Колобулька задирает хвост и решает продемонстрировать ей свой зад со светло-коричневой дырочкой; потом разворачивается и принимается слизывать слёзы с её щёк. Очень великодушно, конечно, но удовольствие сомнительное: язык у него как кусок наждачки.

— Колобулька, мой кот, — знакомлю я их. — Астрид Бломваль. Почему ты плачешь, Астрид Бломваль?

— Ну, меня выбрали Золотой Колбасой, — всхлипывает Астрид. — Разве это не повод? Я

во Франции меньше года, только приехала в Бурк-ан-Брес, а меня уже назначают Золотой Колбасой.

— А раньше ты где жила?

— В Швейцарии, у сестёр.

— И как их звать?

— Ну, сёстры, сёстры, в католической школе, понимаешь?

— У-у-у... — Я морщусь, давая понять, что подход её родителей к выбору учебного заведения не вызывает у меня бурных восторгов.

А чем вообще занимаются её родители?

— Мама делает керамику ручной работы, а папа — швед.

— А что, неплохо, когда папа швед, а?

— Ну, вообще он живёт в Швеции. Чем-то там занимается, я точно не знаю.

— Надеюсь, не он делал этот табурет. — Я строго указываю на чудо икеевской инженерии. — Он мал и для одной моей ягодицы, о чём каждый раз мне напоминает.

— Смешная ты, — мрачно отвечает Астрид и задумывается.

И поскольку я готова дарить ближним не один только смех, я предлагаю ей фанту. Потом остатки ветчины на кости. Потом кусок тирамису, которое сделала сама, своими маленькими ручонками. Я сообщаю это Астрид, и она говорит, что я отлично готовлю.

— Это потому, что у моих дедушки с бабушкой свой ресторан. Видно, я в детстве свалилась туда, как Обеликс в котёл с волшебным зельем. Отчего, возможно, и индекс массы тела...

— Я вот, — всхлипывает Астрид, — в готовке полный ноль, зато умею варить очень вкусную яблочную подливку. — И потом: — Но как ты так легко это переносишь? Что тебя выбрали Колбасой лица Марии Дарьёсек? Это жестоко... Это ведь правда жестоко.

— О, я обладаю нечеловеческой способностью к отстранению. Я знаю, что в двадцать пять моя жизнь будет гораздо лучше, — ну вот и жду. Я очень терпеливая.

— Грустно, если надо ждать, чтобы стало лучше.

Меня подмывает ответить: «О, да только первые года три, потом привыкаешь». Но ясно, что у бедняжки Астрид там, с сёстрами, не было такой закалки, как у меня: вряд ли ей там талдычили, что она жиробасина. Ну а мне столько раз говорили такое, что теперь я просто смеюсь. Всё соскальзывает, как вода с лепестков лотоса.

Ну ладно, если я выжата как лимон, или месячные, или насморк — тогда окей, бывает, что моя защитная плёнка подводит. Но не сегодня. Сегодня порядок, и сегодня я нужна Золотой Колбасе.

Астрид теребит футболку. Грустные парни на принте почти совсем облупились.

— Возможно, тебе это не понравится, но, похоже, твоя футболка доживает последние секунды, — сообщаю я.

— Это потому, что я всегда в ней хожу.

Странно, откуда вдруг такой любовный тон... и та самая ямочка, будто след от чайной ложки на белом тесте щеки...

— Почему?

— Потому что «Индокитай» — вся моя жизнь... Вся жизнь. Вот и сегодня я слушала их, перед тем как пойти к тебе. Это они дали мне сил прийти.

— Мда? А если, предположим, я не в курсе, что это за «Индокитай»?

Она посмотрела на меня так, будто я не знаю, кто такая Барака Обаметта, и потому я рискнула:

— Это бойс-бэнд какой-то?

— Нет! Что ты, это поп-группа, они... Нет, ты серьёзно не знаешь? Это... это лучшая группа всех

времен!!! — И тут она как запоёт: — «Но три ночи в неделю, о, как она краси-и-ива...» Нет?

— Нет, прости. Мама музыку не слушает, Филипп Дюмон тоже, ну а я слушаю только... Да, в общем, особо ничего.

Слух у меня не музыкальный. Уши маленькие, уродливые и слишком сложно устроенные, чтобы ловить мелодии. Я так представляю, что для любви к музыке нужны эдакие завитушки на висках, которые колышутся на ветру и ловят ноты, а потом отправляют их в глубь обширных ушных раковин навроде устриц...

— А кто такой Филипп Дюмон?

— Синтез мужа и суррогатного отца, красавец с сединой в висках, знакомец всей местной буржуазии и любитель поездок в Венецию, откуда он привозит муранские вазы, у них внутри как бы блевотина из цветных ошмётков стекломассы.

Я указываю на стоящий на подоконнике экземпляр, откуда высовывает язык цветок аронника.

— Класс, — отвечает Астрид неуверенно. — Но, Мирей, скажи, что ты делала, когда тебя в первый раз выбрали Золотой Колбасой? Закрала свою страничку в фейсбуке?

— Ну уж! Что ты! Я просто заказала гавайскую пиццу и съела её, читая «Превращение» Кафки, потому что утром была по нему контрольная.

Это... неправда — я точно не из тех, кто открывает книжку за ночь до контрольной. Но не могу же я сказать этой бедняжке Астрид правду, что в тот вечер, три года назад, когда меня выбрали Золотой Колбасой, я съела гавайскую пиццу с соусом из слёз и соплей, три часа глядя на ютубе, как котики катаются на роботах-пылесосах.

— А кто он вообще, этот Мало или как его?

— Конченный дебил, который далеко пойдёт.

— Но почему... почему...

— Почему он такой злой?

— Да. Зачем он это делает?

— Потому что он полный кретин. Может, из-за какой-то родовой травмы. Видишь ли, мы с ним родились в один и тот же день, в одном и том же бурк-ан-бресском роддоме, так что, думаю, все акушерки тогда собрались вокруг самого уродливого ребёнка на свете, то есть меня, и, пока ахали, не заметили, что крошке Мало в соседней палате не хватает кислорода, или уж не знаю, какой там газ делает людей умными и вежливыми.

Это... снова неправда. В детском саду Мало был моим лучшим другом. Ни злым, ни глупым он тогда не был. Мы отлично веселились. Прилепляли друг другу под нос пластилиновые козявки. Ходили друг к другу в гости. Купались в одной ванне, брызгаясь и кидаясь мочалками. Потом вместе пошли в первый класс и снова бегали друг к другу попить чаю и поиграть в «Гонки Марио». Нас отдалил четвёртый класс. Он завёл каких-то дружков, которые сказали ему: «Эй, Мало, твоя подружка Мирей — вылитая свиноматка. Она страшна как задница». И понемногу он стал задумываться: «А ведь это правда, я купался в одной ванне со свиноматкой. Я кидался мочалками с девчонкой, которая страшна как задница». И вот в средней школе он прогнулся. В первый же день в пятом я подошла к нему:

— Хелло, Мало!

Он стоял с кучкой парней, от которых жутко разило гелем для душа АХЕ — тем самым, где в рекламе голые дамочки эротично им натираются, хотя все знают, как дико щиплет от мыла в интимных местах.

Он ответил:

— Ну, чего? Штонада?

Я:

— Да ничего, привет, говорю! Как жизнь? Этим летом от тебя открытка не пришла. Или ты нынче в Бретань не ездил?

Он:

— Да очёмтываще, корова жирная.

Я:

— Му-у-у-у-у-у!

И ускакала, показав ему язык.

И это — снова — неправда.

Я вовсе не замычала и не удалилась вся такая иронично-безразличная, я стояла как столб и таращила глаза, пока они не вывалились из орбит внутрь моей черепной коробки, так что я слышала, как они катаются там, будто бильярдные шары, а через три часа, когда школьная медсестра вытащила их щипцами для мороженого и поставила на место, мне открылся мир, где я была уже жирной коровой.

У жирной коровы была слишком тесная футболка, слишком тесные джинсы, слишком тесные ботинки, лишние килограммы так и лезли из всех шмоток, и сама она никак не лезла в этот мир.

Короче, понятное дело, ничего такого я Астрид рассказывать не стала, потому что бедняжка и так слишком занята — она ревет на табурете из «Икеи», а тот гнётся и скрипит под её тяжестью, — и вообще-то она имеет право на слёзы: я тоже не один ручей выплакала в своё время, но теперь мне плевать, это было давно, а я была мелкой.

— Нет, Колобулька! Не смей блевать на Астрид!

Я в последнюю секунду скидываю кота с колен полушведки — его крохотная грудная клетка уже начала сжиматься; он приземляется, тут же радостно изрыгает бесформенный комок из шерсти, переваренного корма и длинных зелёных травинок и со всех ног удирает от этого зрелища.

— Прости, — говорю я Астрид, убирая комок его рвоты остатками белой красной дорожки. — Ты не подумай, я знаю, что он только что лизал тебе лицо, но ты тут ни при чём. Просто он такой. Жрёт траву в саду, как будто не понял, что природа задумала его хищником.

— С кем это ты говоришь, Мирей?

И тут в кухню входит мама. Астрид поднимает на неё глаза, потом смотрит на меня, потом снова на неё, снова на меня. Наверное, думает — как и все остальные, — по какому чудовищному недоразумению гоблин моего покроя мог вылезти из чрева двойника Катрин Денёв.

— Д-добрый вечер, мадам, — мямлит Астрид.

— Мама — Астрид. Астрид — мама. Мама, Астрид в этом году Золотая Колбаса. Она украли мой титул. Она росла у сестёр, и ещё она фанатка группы «Индокитай». Знаешь такую?

— Ну конечно, — вздыхает мама. — Мне очень жаль, Астрид, это совершенно отвратительный конкурс. Я пыталась добиться, чтобы его запретили, но школа ничего не может сделать, потому что всё в интернете. Безобразия, конечно. Надеюсь, тебя это не слишком... потрясло.

— Спасибо, мадам, — бормочет Астрид. — Это ужасно, потому что я в городе меньше года. Едва знаю людей. Я думала, люди здесь будут добрыми.

— В нашем городе есть добрые люди, — говорит мама. — Вот как Мирей. Держись Мирей, она добрая. И притом сильная.

Я:

— Не слушай её, Астрид, это всё клевета и выдумки! Она целыми днями жалеет, что не притворилась, будто у неё мигрень, в ту ночь, когда меня зачали!

— Это было утром, — говорит мама.

Она покидает кухню, и я провожаю её взглядом, стараясь не выходить из образа дочери, которой в целом

всё равно, что её несговорчивая мать, похоже, только что отвесила ей комплимент — неслыханная редкость. Однако, как знать, не из-за этого ли комплимента я вдруг вскрикиваю:

— Идея! А не отыскать ли нам третью Колбасу? Полагаю, она тоже сидит сейчас где-то вся такая несчастная. К тому же она ведь совсем малявка, из шестого, и наверняка ей не хватает зрелости и отстранённого взгляда на вещи.

— Уже поздно, — замечает Астрид.

— Да, но если она видела результаты, то сомневаюсь, что она спит.

Идём гуглить её фамилию. Идрис. Поиск выдаёт только один адрес в Бурк-ан-Бресе, на другом конце города, в районе Венн. Потом идём объяснять моим родителям, что нам просто необходимо пойти сейчас туда, пусть и в столь поздний час, ради нашей юной солауреатки. Они соглашаются.

Филипп Дюмон:

— Хотите, подброшу вас на машине?

Я:

— Нет, спасибо, дорогой обожаемый папочка, лучший в мире отец, гений отцовства и истинных папских добродетелей. От нас ещё пахнет рвотой Колобульки, так что твой БМВ не пустит нас на борт.

Да и вообще, нам скорее хотелось прогуляться ночью, прогуляться по ночному Бурк-ан-Бресу и познакомиться поближе, и Астрид, и мне.

Ночь выдалась из тех, когда луна маленькая, зеленоватая и твёрдая, как фисташка. Бурк-ан-Брес под тёмно-каштановым небом смотрится не лучшим образом, что досадно.

Знаете ли вы Бурк-ан-Брес? (Произносится «Бурканбрес».) Да-да, именно «Бурк», а не «Бург». Вот так у нас, по-свойски.

Милый это городок, Бурк-ан-Брес, — милый провинциальный городок со всем, чему положено быть в провинциальных городках. Два книжных магазина, один газетно-журнальный с кучей закладок на вертящихся стойках (голограммы с дельфинами, котятами, пони). Кафе, рестораны, ювелиры, торгующие нашими бресскими эмалями; мелкие магазинчики с гигантскими бюстгальтерами на витринах, парикмахерские, откуда под мощными ударами мётел летят на тротуар клочья состриженных волос. Красивые старые дома, заколоченные досками, и новые многоэтажки, оштетиненные табличками «Продаётся». Но мало кто покупает — все едут в Лион или Париж или удирают за город, в частные дома. Где-то многоэтажки и вовсе пустые, а в закрытых магазинах к рамам прибиты большие фанерки с надписью «Ищу нового владельца». Маленькие парки, где шуршат гравием старички, виснут на стальных перекладинах детишки, курят, глядя в смартфоны, подростки.

Я люблю Бурк-ан-Брес, этого добряка-буфетчика. Город наш славно кормит своих чад. Здесь есть булочные, где сахарные пироги размером с колесо от велика пузырятся розовой глазурью. Здесь есть «Француз», большой ресторан, нашпигованный зеркалами и разной позолотой, так что глаза болят,

пока ешь их фирменное филе «Пьер»: шматок сырой говядины, который режется вилокй как огромная клубничина. Есть ресторан моих бабушки с дедушкой, «Жорж и Жоржетта», две мишленовские звезды², прямо напротив церкви Бру³, которая недавно побелела — почистили. Там подают лягушек целиком — они плещутся в лужицах масла с петрушкой, а в чугунках клопочут и дымятся улитки или огромные пышнобокие кнели, крышки выпускают гейзеры пара, и запечённый паштет покоится в стекляннстом желе...

А сырныe тарелки! Бресс блё, весь в крапинках плесени, морбье с угольной полоской, твёрдый, выдержанный, кирпичного цвета мимолет; а нежный фессель с комочками — посыпать зелёным луком и со сметанкой...

И эти бокалы с жидкими полушариями налитого в них вина... Ну а когда приходит час пить кофе, бесконечные коробки конфет...

И лепёшки-фугассы, бриоши, булочки, хлеба и хлебцы всех возможных форм и размеров: с оливками, со сладким перцем, с инжиром, с луком, с орехами, с колбасой, горячие, ноздреватые, они липнут к зубам, вбирают в себя масло и жёлтый жир с фуа-гра...

В общем, да, неудивительно, что я немного пошире в бёдрах, чем тот рыжий манекен в витрине «Салона красоты Сэнди», или что в столовой игнорирую «бутерброд без забот» (два сухих хлебца — и полоска куриного филе: 100 % органика, 0 % жира, 1,2 % сахара). И неудивительно, что ты, Мало, весь день жуя свой посеревший орбит, весь такой худой и злобный, — это в городе сладостей и сыров...

Мы с Астрид Бломваль бредём в бурк-ан-бресской ночи, и она потихоньку приходит в себя. Думаю, она уже начала понимать, что звание Золотой Колбасы — это не так уж трагично, по крайней мере если у тебя